

Эльга

ДРАМА В ШЕСТИ КАРТИНАХ

**Перевод
М. ЯХОНТОВОЙ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рыцарь.

Слуга рыцаря.

Монах, прежде граф Старшенский.

В сновидении рыцаря участвуют:

Граф Старшенский.

Марина — его мать.

Эльга — его жена.

Маленькая Эльга — его дочь.

Кормилица.

Димитрий } братья Эльги из рода Ляшеков.

Гришка }

Огинский — двоюродный брат Эльги.

Тимошка — управляющий.

Дортка — горничная Эльги.

Первый слуга графа Старшенского

Второй слуга графа Старшенского.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Строгий высокий покой в монастыре; в алькове за темным пологом старинная кровать. Там же большой камин. Высокое окно открыто. Сумерки. Входит рыцарь,— он только что сошел с коня; его слуга вносит плащ, дорожные одеяла и сбрую.

Рыцарь. Я уже думал, что нам придется ночевать под открытым небом. А здесь мы устроились совсем недурно.

Слуга. Да, господин.

Рыцарь. Комната маловата, но кровать, кажется, хорошая. И даже камин есть.

Слуга. Работник, который взял у меня лошадей и отвел их в деревню, все время крестился, когда помогал мне вносить сюда седла. Этот дурень думает, что здесь порою бывает неладно.

Рыцарь. Ха-ха! Ты боишься? Впрочем, на всякий случай положи-ка мне около кровати пистолеты, — ведь привидения бывают из плоти и крови. К тому же, честно говоря, эта кровать выглядит довольно странно.

Слуга. Да, весьма странно.

Рыцарь. Она скорее похожа на гроб, чем на кровать. Откинь-ка полог! Пусть лучше месяц светит мне прямо в лицо, чем я задохнусь под этим черным, как уголь, сукном. Вина у нас хватит?

Слуга. Завтра мы будем в Варшаве. До тех пор хватит, конечно. А в Варшаве купим еще.

Рыцарь. Мне кажется, Петер, это древняя башня, здесь круглые стены.

Слуга. Да, господин! Работник так и сказал. А еще он сказал, господин, что эта старая башня су-

ществовала задолго до монастыря, а монастырь был построен вокруг нее.

Рыцарь (*отодвигая в сторону скромную закуску*). Убери это, я уже сыт. Оставь только жбан и кубок. Теперь иди спать, Петер, а утром, перед восходом солнца, разбуди меня... О, пресвятая дева Мария, как бы мне хотелось быть уже дома! Спокойной ночи.

Слуга удаляется. Рыцарь сидит, облокотившись на круглый стол. Все светлее и ярче проникает в комнату лунный свет. Вдруг в дверях появляется монах. В руках у него вязанка хвороста.

Монах (*тихо*). Простите. (*Опускается у камина, кладет ношу и начинает укладывать дрова и хворост, чтобы развести огонь*).

Рыцарь. Кто это пришел так поздно? Ах, это ты, святой отец.

Монах (*робко поправляя*). Брат.

Рыцарь. Ну, святой брат. Ты видишь, святой брат, мне твой огонь не нужен. Я открыл окно и наслаждаюсь тихой лунной ночью. Не нужно.

Монах. Ночи здесь прохладные.

Рыцарь. Что ты говоришь, брат?

Монах не отвечает. Рыцарь в недоумении качает головой. Монах встает и хочет уйти.

Святой брат, прежде чем уйти, расскажи мне кое-что, пожалуйста. Ведь я нахожусь в Сандомирском воеводстве, не правда ли?

Монах. Да...

Рыцарь. Благословенный край! Повсюду прекрасные леса, холмы и овраги. Цветы кругом. Плодородные поля. Если бы я был сыном этого края, я хотел бы построить тут свою хижину и жить здесь! Тебе холодно, милый брат?

Монах. Нет... Спокойной ночи.

Рыцарь. Останься и выпей вина! Это пламенное испанское вино, оно согревает. Я прошу тебя, выпей!

Монах отрицательно качает головой.

Я прошу тебя, выпей! Ты должен выпить из кубка моей возлюбленной. Ведь ты выпьешь из чистого золота. Я прошу тебя, не отказывайся.

Монах. Брат, я не смею обидеть тебя. (*Подносит кубок к губам.*) Благодарю тебя. А теперь — спокойной ночи.

Рыцарь. Останься, брат, ты нравишься мне! Еще одно слово. Ведь я чужестранец и ничего не знаю в этом краю. Скажи мне, кто построил ваш чудесный монастырь?

Монах (*мрачно смотрит в глаза рыцарю*). Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Рыцарь. Да только потому, брат, что, мне казалось, ты это знаешь.

Монах. Ты сам знаешь.

Рыцарь. Зачем же я стал бы спрашивать, если бы знал?

Монах. Иногда бывает и так.

Рыцарь. Ты странный святой, честное слово. Скажи мне, кто основал этот монастырь? В жбане еще достаточно хорошего вина, пей. Мы выпьем за здоровье того славного благочестивого человека, который основал этот монастырь.

Монах. Я благодарю вас, господин.

Рыцарь. Смотри, брат, я пью за здоровье этого человека. Почему? Основывать монастыри — совсем не в моем духе. Это противно мне как рыцарю, наезднику и солдату. Но мне хорошо здесь! Просто великолепно! Чудесное место! Да благословит небо человека, которому я обязан этими божественными часами.

Монах. Ты немец, господин?

Рыцарь. Ты угадал.

Монах. У тебя веселый нрав, дорогой господин, да хранит тебя бог.

Рыцарь. Так было не всегда, брат. Подвинь стул поближе и сядь. Видишь ли, было время, когда горек был хлеб мой насущный. И едва ли я мог тогда улыбаться... Вот взгляни на этот портрет. (*Показывает монаху портрет-миниатюру, который висит у него на цепочке на груди.*)

Монах (*бледнея*). Это твоя жена?

Рыцарь. Да, это моя жена, а вот, брат, и мой ребенок.

Монах. Она красавица!

Рыцарь. Да, брат. И ребенок тоже красив.

Монах. Смотри берегись...

Рыцарь. Что ты хочешь этим сказать?

Монах. Как бы и тебе не пришлось основать монастырь.

Рыцарь. Что ты хочешь этим сказать?

Монах. Никто не должен строить свое счастье на жене и ребенке.

Рыцарь. Здесь, брат, мы никогда не пойдем друг друга. Ведь ты монах, ну и отлично. А я нет. Видит бог, я не монах! Ты живешь для неба, а я — для земли. И, знаешь, земля не хуже неба, она прекрасна! Твердое железо зло и холодно. И женщина нежнее лепестков розы, тепла и благоуханна! Я люблю и то и другое! И то и другое я держу в руках! А у тебя... у тебя крест!

Монах (*дрожа, словно в лихорадке, тихо шепчет*). А у меня... крест!

Рыцарь. Брат, ты дрожишь. Ты болен?

Монах. Нет! Подойди ко мне! Ты видишь там, во мраке... видишь?..

Рыцарь. Там развалины. Рухнувшие стены. Это был замок? Чей?

Монах. Графа Старшенского. И все, все кругом, что ты видишь, весь этот благодатный край принадлежал когда-то графу Старшенскому.

Рыцарь. Ну и что же?

Монах. Ты едешь в Варшаву, поговори там с Яном Собеским. У него, как и у тебя, тоже были и меч и жена, а все-таки в конце концов он предпочел взять один лишь крест... Спокойной ночи...

Издали глухо доносится хоровое пение.

Рыцарь. Вы уже уходите?

Монах. Да. Меня ждет служба. Заупокойная. (*Исчезает.*)

Пение продолжается, и рыцарь устало ложится на постель, не разбирая ее. Постепенно рыцарь засыпает, в покое темнеет и затем рассветает снова, но это уже сновидение рыцаря, в котором и для него и для зрителей все принимает иной вид.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Высокая красивая зала, освещенная солнцем. Раздетый Старшенский держит на руках свою дочку; ей уже почти два года. Его мать Марина, почтенная старуха, сидит в нише окна и занимается рукоделием. Кормилица.

Старшенский. Мама!

Марина. Да?

Старшенский. Я счастлив!

Марина. Слава богу, и я счастлива за тебя.

Старшенский. Ну как же я могу не быть счастливым? Ну кто же счастлив, если не я, мама!.. Эльга!

Кормилица. Ты слышишь, Эльга, отец зовет тебя. А когда зовет отец, надо отвечать, Эльга.

Старшенский. Оставь ее, кормилица. Не мешай ей, — ведь она занята очень важным делом. А я буду смотреть на нее. Когда я глажу ее блестящие, черные с синим отливом волосы (*гладит*), то ей это нравится и она молчит. Да, Эльга?

Маленькая Эльга. Атти, атти!

Кормилица. «Атти» — это значит, она говорит: «папа».

Старшенский. «Папа», говоришь? Пойдем со мной, дочка! Да-да! Ты моя дочка! А где твоя мама?

Кормилица. Госпожа одевается к обеду.

Старшенский. Она наряжается для меня, мама. (*Передает маленькую Эльгу кормилице.*) На, кормилица, возьми ее. Держи-ка, кормилица!

Маленькая Эльга (*у кормилицы на руках*).
Атти, атти!

Старшенский. Хорошо, что мы назвали ее Эльгой. Правда, мама? Разве у нее не такие же волосы? Волосы черные, а глаза голубые... Ступай, кормилица!

Кормилица с ребенком уходит.

(Помолчав.) Мама!

Марина. Что, сын мой?

Старшенский. Я счастлив.

Марина. Я тоже.

Старшенский. Думала ли ты когда-нибудь раньше... Я хочу сказать, когда мы жили с тобой совсем одни... и когда я жил один и так боялся людей... думала ли ты, что я когда-нибудь стану таким счастливым?

Марина. Нет, не думала. Да сохранит бог твое счастье!

Старшенский. Ты боишься?

Марина. Нет, но время не стоит на одном месте. Когда счастья нет, то ничего не остается делать, как желать его. Желать и надеяться — это прекрасно. А когда человек счастлив, он начинает уже бояться за него.

Старшенский. Мамочка, мама, да это у нас в характере! Думать, беспокоиться, заботиться, бояться — это у нас в характере. А у нее другой характер, легкий за это я и люблю ее так сильно! Ах, мама, не смотри же все время только на пальцы! Подними глаза, взгляни вокруг себя! На улице — весна! Мы поставим на стол хрустальные вазы с розами, принесем из погреба самое старое вино, и Эльга будет с нами:

Марина (взволнованно). Да, ты любишь ее, сын мой, любишь ее!

Старшенский. Я люблю ее, мама, и ты это сама видишь. Но ты все равно не понимаешь этого слова, хотя и говоришь его. Двадцать лет я сидел как в темнице, не видя света, и с отвращением грыз заплесневелый хлеб. Не знаю почему, но я видел мир только таким. Я не мог понять того, кто говорил о цветах, о зеленых лесах, о золотых нивах, кто слышал радость в пении птиц и смех в синеве неба. Я чувствовал лишь раб-

ство и гнет. Теперь я словно прозрел, я свободен! И это она сделала меня зрячим и свободным.

Быстро входит Эльга.

Эльга. Старшенский!

Старшенский. Да, Эльга.

Эльга. Поедем сегодня на охоту, верхом?

Старшенский. Поедем на охоту. Только на этот раз не по посевам.

Эльга. По нивам, изгородям, заборам и оврагам... Взгляни!

На грудь Эльги опустилась бабочка.

Старшенский. Это весна порхает на твоей груди.

Эльга. Бабочка.

Старшенский снимает бабочку и раздавливает ее.

Что ты делаешь?

Старшенский. Ничего. Это место принадлежит только мне!

Эльга. Глупый...

Старшенский. Эльга!

Они обнимаются и целуются.

Марина (*поднимая на них глаза*). Вы опять целуетесь?

Старшенский. Да, мама, мы целуемся... Эльга, ты любишь меня?

Эльга. Сегодня — да!

Старшенский. Ты всегда будешь любить меня?

Эльга. Всегда? Всегда? Когда-нибудь я обращусь в прах. А сегодня я живу. Пусти меня.

Старшенский. Подожди! Подожди еще минуту. О, твои глаза!..

Эльга. Ты задушишь меня.

Старшенский. Ах, твоя милая рука!

Эльга. Пусти!

Старшенский. Ты уже знаешь, приезжают твои братья.

Эльга. Гришка и Димитрий?

Старшенский. Оба!

Эльга. Зачем? Что им надо?

Старшенский. Не беспокойся об этом.

Эльга. Я не беспокоюсь. Но я не хочу, чтобы они все время приезжали сюда и брали у тебя деньги.

Старшенский. Быть может, на этот раз деньги им и не нужны.

Эльга. А если и нужны, то все равно не давай им ни гроша! Обещай мне, что не дашь.

Старшенский. Я бы обещал тебе это и все, что угодно, если бы только они не были твои братья!

Эльга. Мама, помоги мне! Обещай мне это!

Марина. Тебе, сын мой, не следовало бы поощрять их мотовство. Но и ты не забывай, дочь моя: ведь они твои братья!

Эльга. Вы мне портите весь день.

Старшенский. Хорошо, я сделаю все.

Эльга. И не дашь им ни гроша?

Старшенский. Не дам! Лишь бы ты была веселой! Будь веселой и тогда, когда мы вместе с твоими братьями сядем за стол. Мы будем кутить. Мы положим в наше вино молодые персиковые цветы и возблагодарим бога за нашу жизнь.

Марина. Благодарить бога нужно иначе, дети, не так нужно благодарить бога.

Старшенский. Нет, мама, только так, а не иначе! Когда пенится вино и смеется Эльга, тогда ни на земле, ни на небе нет иного рая!

Марина. Не кощунствуй!

Старшенский. Мама, держать Эльгу в своих объятиях и... кощунствовать? Да разве бог сам не горд тем, что создал ее? Разве не в ней воплотился он? Разве, создав ее, бог не превзошел сам себя в своем непостижимом творческом мастерстве? И можешь ли ты назвать мне какой-нибудь плод с любого дерева, выращенного нашим садовником, плод, который был бы хоть наполовину так великолепен, сладок, спел и божествен, как она? Разве в образе ее я не молюсь создателю нашему? Разве рядом с ней я не приобщаюсь к самому богу? — Чем заслужил я то, что он даровал мне тебя?

Эльга. Так береги же меня хорошенько!
Старшенский (*на секунду задумывается, затем с твердой решимостью*). Я буду беречь!

Входят оживленные Димитрий и Гришка.

Димитрий. Вот и мы!

Старшенский. Димитрий и Гришка! Приветствую вас обоих!

Гришка (*целует руку Марине*). Да хранит вас бог, милостивая госпожа!

Эльга. Во дворе видели, что вы приехали?

Димитрий (*поцеловав Марине руку*). Нет. Мы прошли садом, через калитку в стене у старой башни.

Старшенский. А где же ваши лошади?

Гришка. Там бродил старый Тимошка, ваш управляющий, он и взял их у нас.

Эльга. А что нужно Тимошке у старой башни?

Старшенский. Я не знаю.

Гришка. Когда мы появились, он испугался.

Марина. Он боится не за себя. Он заботится только о своем господине. Я знаю, он подозревает вас в том, что вы, заодно с недовольными дворянами, в заговоре против Яна Собесского, нашего короля. Когда-то он сам служил Собесскому и думает, верно, что вы можете бросить тень на его господина.

Старшенский. Напрасно он обо мне заботится, но он стар и предан.

Гришка (*смеясь*). И к тому же груб!

Эльга. А кто сказал, что он предан? Ну, раздевайтесь, братья! А как там наш кузен?

Димитрий. Огинский? Хорошо.

Гришка. Лучше нас. Он довольствуется той малостью, которую оставил ему наш отец, когда был еще его опекуном. Правда, он нигде не бывает, живет один, но очень хорошо.

Старшенский. Меня это радует. Вы принимали участие в заговоре вместе с другими дворянами по своему желанию и доброй воле. А Огинский ввязался в ваше восстание без всяких на то причин. А ведь он вообще не герой.

Гришка. Нет.

Марина. Просто он считал, что должен поступать так же, как и вы, потому что вы его друзья, и в вас он видел пример.

Димитрий. Да.

Старшенский. Я рад, что он живет спокойно и хорошо, по своему характеру. Хоть бы он навестил нас как-нибудь — не проспал бы одну ночь, только и всего.

Димитрий. Уж слишком он застенчив.

Старшенский. Тогда передайте ему, что я приглашаю его к себе. Его нужно встряхнуть.

Марина (*горько*). Да, нужно. Когда я видела его, он все время так и жался к стенам.

Эльга. Он баба! Я не хочу, чтобы он приезжал к нам.

Старшенский. Ты слишком строга. У него очень мягкий характер, а душа, может быть, даже богаче, чем у нас. Пусть он приедет и погреемся у моего очага.

Димитрий. Наш отец часто плохо обращался с ним.

Гришка. И почти всегда презрительно.

Эльга (*сурово*). Это вы так говорите! Отец был справедлив к нему.

Марина. Пойдем, Эльга, проводи меня.

Эльга (*ласково, с готовностью*). Конечно, мамочка, хоть на край света.

Эльга поддерживает Марину, и они уходят.

Старшенский. Хотите выпить? — Вина!

Димитрий. Часа три в седле. А как скакали!

Старшенский. Ну и бурная же у вас жизнь!

Гришка. А зачем жить кротко и спокойно? Не стоит.

Старшенский. Нет, стоит!

Димитрий. Ты думаешь? А мне кажется, нет.

Гришка. И мне тоже.

Димитрий. Я все представляю себе, что мы бежим, бежим, а в спине у нас торчит сломанное копьё.

Гришка. Еще бы! От одного угара к другому, от одного опьянения к другому, чтобы ничего не чувствовать!

Старшенский. Ах вы, несчастные!

Димитрий. А ты? Нет?

Гришка. А ты не чувствуешь раны, в которой торчит копьё? Нет?

Слуга вносит графин с вином, ставит стаканы, наливает.

Старшенский (*поднимая стакан*). Выпьем! Вот ты спрашиваешь, чувствую ли я рану! Раньше я так же думал, как и вы. И там, где вы ищете опьянения, я искал смерти. Я искал ее, когда воевал за Собесского, я искал ее, когда, подобно Огинскому, прятался в тишине. Как я был глуп! Нет, я не чувствую ни копья, ни раны. (*Чокается.*) На свете есть счастье!

Гришка. Ты так думаешь?

Старшенский. Да. Счастье есть.

Димитрий. В чем же?

Старшенский. Сядьте. Счастье в женщине.

Димитрий и Гришка громко смеются.

Вы смеетесь? Чего вы смеетесь?

Димитрий. Да ты говоришь такое...

Старшенский. А вы думаете иначе?

Гришка (*смеясь*). Еще бы! Что до меня, так мне все бабы надоели до ужаса.

Старшенский. Все?

Димитрий. Все. Ну, конечно, после того как я овладевал ими, одной за другой.

Старшенский. Быть может, все и могут надоеть. Но одна — нет!

Димитрий. Ого! Кто же это?

Старшенский. Она!

Гришка (*помолчав*). Зять, да ты просто чудо среди мужей! Ты говоришь так почти через три года после свадьбы.

Старшенский. Да, я все еще говорю так.

Димитрий. И ты не пресытился?

Старшенский. Нисколько! Послушайте! Когда четыре года назад в ту дождливую ночь я ходил по варшавским улицам и впервые встретил ее...

Димитрий. Да, для отца и сестры это были тяжелые времена.

Гришка. Ужасные.

Старшенский. Для них ужасные, но не для меня.

Гришка. Да будет проклята эта собачья свора, она принесла моему отцу несчастье.

Димитрий. Да будут прокляты эти трусливые палачи, они сделали отца и сестру нищими.

Старшенский. Да, она была несчастна и выглядела как нищая, когда в ту ночь бежала за мной и молила о помощи... Но не будем вспоминать! Едва я вошел с нею в маленькую каморку...

Димитрий. Да, там, на соломе, с седлом под головой, лежал наш несчастный умирающий отец, он дождался своего конца как герой.

Старшенский. Я видел только ее! Ярко горела свеча, но я видел только ее! И с того часа уже много лет... каждую минуту моей жизни я вижу только ее! *(Все более предаваясь воспоминаниям.)* Она для меня — весь мир! Она для меня все! Я вижу только ее!

Димитрий *(после некоторого колебания, лукаво)*. Послушай, зять!

Старшенский. Говори. Говори, чего ты хочешь.

Димитрий. Ты много сделал для нас.

Старшенский. Ничего! Что я могу сделать для вас? Пустяки!

Гришка. Нет, ты много сделал для нас. И мы очень многим обязаны тебе. Мы никогда не сможем расплатиться с тобой, и нам тяжело увеличивать наш долг! А ведь мы боремся. Мы боремся за свободу и честь сословия, к которому принадлежим. И вместе с тем мы служим и делу народа.

Старшенский. Но не я.

Гришка. Дело твое, как хочешь. Мы желаем тебе только счастья. А у нас нет даже дома. Наши враги не оставляют нас в покое. И, не имея денег, мы не можем отдохнуть.

Старшенский. Сколько вам нужно, говорите.

Димитрий. Тысячу золотых.

Старшенский. Вы их получите, только молчите.

Входит старый управляющий.

Что тебе, Тимошка?

Управляющий. Я помешал? Тогда я найду в другой раз.

Старшенский. Подойди сюда, Тимошка. — Извините. Ведь я должен управлять своим поместьем, вот и пришлось научиться. У меня на полях более ста упряжек, свыше пятисот крестьян работает на этих полях.

Димитрий. Ты образцовый хозяин.

Старшенский. Говори же, Тимошка! — Вы видите, это моя правая рука. Мы с ним целыми днями бродим по моим полям, лесам и фермам.

Гришка. Коровы от одного хозяйского взгляда жируют.

Димитрий. А работники, конечно, худеют.

Старшенский. Не все ли равно! Приятно исполнять свой долг! Да после работы и за столом веселей сидится... И Эльга смеется!

Гришка. Смеется-то она, пожалуй, слишком много... Знаешь что, Димитрий, пойдем-ка к ней!

Быстро поклонившись, оба уходят.

Старшенский. Что ты там бормочешь, старик? Скажи яснее!

Управляющий. Беда, господин!

Старшенский. Что случилось?

Управляющий. Этот рыжий работник сломал дышло у кареты.

Старшенский. Вели сделать новое. А больше ничего?

Управляющий. Беда, господин!

Старшенский. Гм... Случилось еще что-нибудь?

Управляющий. Да, еще, господин.

Старшенский. Погибла пшеница?

Управляющий. Нет.

Старшенский. Что из тебя клещами нужно слова тащить? Может быть, гроза наделала бед?

Управляющий. Да нет, не то.

Старшенский. Куница в голубятню залезла, что ли?

Управляющий. Беда, господин. Я рад, что вы больше не сидите в потемках и не унываете. Я рад, что

у нас госпожа такая хорошая и что на своих коленях вы баюкаете дочку...

Старшенский (*нетерпеливо*). Ну, а чему же ты не рад?

Управляющий. Тому, что вы так подружились с паном Димитрием и паном Гришкой.

Старшенский. Да они и приезжают-то всего раз в год. Мне кажется, это довольно редко.

Управляющий. Вам и это может стоить добра и счастья.

Старшенский. Послушай, старик! Ты верно мне служишь, и поэтому я прощаю тебя. Я даже тебе скажу вот что: пусть пан Гришка и пан Димитрий делают, что им угодно. Спасать их души я не собираюсь. А что касается меня, то я предан своему королю и занимаюсь своим хозяйством... Ну, а теперь объясни, что тебе взбрело в голову?

Управляющий. Они бывают здесь слишком часто.

Старшенский. Кто?

Управляющий. Пан Димитрий и пан Гришка. Мужики в деревне это знают.

Старшенский. Да ведь в последний раз они были у меня чуть ли не год назад.

Управляющий. Мужики думают иначе.

Старшенский. Тогда они просто дурни.

Управляющий. Господин... Я видел своими собственными глазами...

Старшенский. Что ты видел?

Управляющий. Как по ночам приходит и уходит таинственный вестник.

Старшенский (*удивлен и взволнован*). Приходит и уходит?.. Таинственный вестник? Откуда же он приходит? И куда уходит?

Управляющий. Через одну и ту же калитку.

Старшенский. Там, за садом? У старой башни?

Управляющий. Через которую вошли сегодня пан Гришка и пан Димитрий.

Старшенский. А у кого же ключ от этой калитки и от башни?

Управляющий. У пани Эльги.

Старшенский. К черту! Вон! Что ты там болтаешь?..

Низко поклонившись, управляющий уходит.
Голос Эльги: «Старшенский! Сокол мой! Где ты?»
Старшенский стоит оцепенев. Входит Эльга.

Эльга. Ты разве не слышишь, что я зову тебя?

Старшенский (*очнувшись*). Ты звала меня?

Эльга. Что с тобой? Ты спал?..

Старшенский (*страдальчески вздохнув*). Да, и видел ужасный сон!..

Эльга. Ужасный? Что же снилось тебе, мой бедный лунатик?

Старшенский. Поцелуй меня!

Эльга (*страстно целуя его*). Вот тебе! Вот... и вот! Хочешь еще?

Старшенский. Посмотри на меня!

Эльга. Ну? (*Открыто и твердо смотрит ему в глаза.*) Что случилось?

Старшенский (*окинув ее пристальным, испытующим взглядом*). Ничего!

Эльга. Что с тобой?

Старшенский (*с облегчением*). Ничего! Вот и опять все хорошо! (*Целует ее в лоб.*)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Монастырский покой превращается в спальню. Эльга сидит перед туалетным столиком. Около нее со спящим ребенком на руках стоит кормилица. Часов одиннадцать вечера.

Эльга. Ступай, няня, отнеси потихоньку малютку. И сегодня ночью ты опять не будешь спать в соседней комнате. Дортка поможет тебе перенести колыбель в желтую комнату. Я ужасно устала и не хочу, чтобы меня тревожили ночью.

Кормилица. Напрасно вы это, госпожа. Я ее знаю. И я заранее знаю, когда она будет волноваться и плакать. Сегодня ночью она заснет в своей кровати тихо-тихо, как рыбка.

Эльга. Все равно, делай так, как тебе приказано.

Кормилица. Конечно, так и сделаю. На то я и есть ваша послушная служанка. Просыпается! — Пойдем, моя маленькая обезьянка, пойдем. Ишь, как глазенки раскрыла. Погляди, как мамочка твоя наряжается. На груди-то звездочки! А в ушах алые камушки переливаются, до чего красивые!

Эльга (*засмотревшись в зеркало*). Ах, ты еще здесь? Ну иди же, иди!

Кормилица с ребенком уходит.

(*Вполголоса напевает.*)

«Я птица вольная!
Лечу я вдаль!
Я сокол белый,

Я белый ястреб.
Лечу под солнцем,
Тень — подо мной,
Тень — подо мной
И вечно со мной».

Кто там? Это ты, Дортка?

Входит горничная Дортка.

Дортка. Да, госпожа.

Эльга. Граф уехал?

Дортка. Да, госпожа, уехал. Я слышала, как он сказал управляющему: у меня много дел, я останусь ночевать в городе.

Эльга. Сел на коня, ускакал и даже не попрощался со мной. (*Легкомысленно.*) Ну и пусть.

Дортка. Я слышала, как он приказал управляющему кланяться вам.

Эльга. Тимошке?

Дортка. Да.

Эльга. Хорош посол любви, нечего сказать.

Дортка. Зато расторопен.

Эльга. Я надела рубиновые сережки... Красиво?

Дортка. Вам они не нужны. У вас рубиновые губы.

Эльга. Ха-ха! Поэзия! Может быть, и ты стихи сочиняешь, Дортка?

Дортка. Нет. Хороших я не умею... Пан Огинский пишет лучше.

Эльга. А ты откуда знаешь?

Дортка. Разве вы мне недавно не его стихотворение читали?

Эльга. Какое?

Дортка. О соколе или что-то в этом роде.

Эльга. Красивое оно, правда? Погоди, ты слышишь?

Дортка. Нет. Вам что-нибудь послышалось?

Эльга. Да, мне показалось, будто калитка в саду закрипела.

Дортка. А она и не скрипит вовсе. Я сама у нее петли маслом смазала.

Эльга. А матушка легла спать?

Дортка. Да.

Эльга. Хорошая она, тихая, пани Марина. Спокойно у нее на душе. У меня мать не такая была. Зато она была красавица.

Дортка. Как вы, да?

Эльга. Что ты, Дортка, разве я могу сравниться с нею! Она была такая красивая! Ее все на сто верст кругом красавицей звали. А один раз, Дортка, я видела нечто ужасное. Служил у нас один работник. Он еще часто меня на плечах носил, часто-часто!.. Кости у него были как у мамонта, а душа — словно у пташки. И вот однажды утром он повесился на двери у моей матушки.

Дортка. Дурак! Да разве он смел так высоко глаза поднять?..

Эльга. Скажи, а у тебя бывает так, Дортка?..

Дортка. Как?

Эльга. Что ты вечером вспоминаешь сон, какой видела прошлой ночью. Целый день его не было, а вот вечером вдруг что-то возникает в душе.

Дортка. А знаете, вы вчера ночью кричали?

Эльга. Нет.

Дортка. Я даже проснулась, так вы громко кричали, и голос был словно не ваш.

Эльга. Не хочу видеть сны! Пусть их совсем не будет! А мне снилось что-то черное, свечи, покойник. Кажется, во сне часто снятся покойники.

Дортка. Это к счастью!

Эльга. Сегодня очень светло, Дортка. Луна такая яркая! И светло, как днем.

Дортка. Старые каштаны покрылись листьями, и от них падает тень. Зимой было куда хуже.

Эльга. Уже все деревья покрылись листьями и цветами, не только каштаны... Как приятно сирень пахнет! Ах, Дортка, Дортка!..

Дортка. Что, госпожа?

Эльга. Я так люблю его.

Дортка. Господь видит, как вы его любите.

Эльга (*вдруг, очень быстро*). Знаешь, не надо ему приходиться сюда! Поди скажи ему... Иди скорей, скажи ему, пусть он не приходит больше.

Дортка. Что это с вами сегодня? Почему вы дрожите? Чего вам бояться? Все так тихо, спокойно. Разве сегодня в первый раз, госпожа? Разве я не слышала, как вы проклинали время за то, что оно слишком медленно тянется? И все идет как следует. Господин уехал в Варшаву... Чего же вы боитесь?

Эльга. А что я сказала?

Дортка. Вы сказали — пускай он не приходит.

Эльга. Беги, Дортка, беги скорей...

Дортка. Сказать, чтобы он не приходил?

Эльга. Ты с ума сошла, Дортка?

Дортка. Что?

Эльга. Я слышу конский топот!

Дортка. Кто-то скачет отсюда. Наверно, управляющий. Когда я носила водку работникам и работницам, я видела его коня; он, уже оседланный, стоял в конюшне.

Эльга. Ты доверяешь управляющему?

Дортка. Нет. Но старый Тимошка глух и слеп, у него нет ни зубов, ни кулаков. Он не слышит, не видит, не может ни кусаться, ни драться.

Эльга *(сначала развеселилась, затем пугается снова)*. Смотри-ка, свет... Там свет!

Дортка. И правда, — это свет на старой башне.

Эльга. Скорей, дай мне шубу.

Дортка. Вы хотите идти туда?

Эльга. А что же делать?

Дортка. Не надо было ему зажигать там свет.

Входит Огинский.

Эльга. Как ты вошел?

Огинский. Наша калитка была открыта настежь.

Дортка. Это я оставила ее нарочно открытой.

Огинский. На, держи. *(Дает Дортке деньги.)*

Дортка уходит. Огинский и Эльга бросаются друг другу в объятия.

Эльга. Почему ты не приходил ко мне так долго?

Огинский. Не знаю... Я бродил по пустынным полям, по лесным тропинкам, и везде один, совсем один. Но, знаешь, я все время был с тобой.

Эльга. А что мне от этого! Когда тебя нет рядом, ты не со мной. Когда тебя нет, но ты говоришь, что ты со мной, тебя ведь все равно нет!

Огинский. Ну так уйдем, уйдем вместе! Почему ты остаешься здесь? Почему ты не уйдешь со мной?

Эльга. Все это вздор! Поцелуй меня!

Огинский (*страстно целует ее; затем настойчивее*). Почему ты не уйдешь со мной?

Эльга. Куда?

Огинский. Ты же знаешь, я кое-что получил в наследство от воеводы Ляшека. Мы можем уехать за границу. Мы будем счастливы.

Эльга. И я буду стирать рубашки и чулки!..

Огинский. Я буду работать для тебя. Без сна, без отдыха, день и ночь я буду работать для тебя.

Эльга (*зажимает ему рот*). Нет-нет, милый, из этого ничего не выйдет.

Огинский. Значит, ты не любишь меня.

Эльга с безнадежной улыбкой качает головой.

Тогда давай расстанемся навсегда!

Эльга. Огинский!

Огинский. Это никому не нужно! Никому! Ты меня не любишь! Ты любишь Старшенского! Он твой муж... Хорошо же! Пусть так и будет!

Эльга. Я не люблю Старшенского!

Огинский. Но ты не любишь и меня. Эльга. Мне сказали, что, когда меня здесь нет, ты проводишь время в радости и веселье. Ты смеешься и танцуешь. Говорят, ты не устаешь танцевать, и все пиры кажутся тебе слишком короткими. Эльга! Эльга, не плачь! (*Поцелуями стирает слезы с ее лица.*)

Эльга. Ах, ты!.. Оставь! Ничего. Старшенский тебя уже приглашал к нам в замок, ты слышал?

Огинский. Нет.

Эльга. Ты приедешь?

Огинский (*серьезно и твердо*). Если он пригласит меня, приеду.

Эльга. Пригласит. Здесь были мои братья.

Огинский. Им нужны деньги?

Эльга. Не знаю. Но я сказала ему, как ты мне

велел. Что все их дела безумны, а расточительность не имеет смысла. Он обещал мне не давать им больше ни гроша. *(Смеется.)* Было очень смешно!

Огинский. Что?

Эльга. Они говорили о тебе.

Огинский. Как же они обо мне говорили?

Эльга. С сожалением.

Огинский. Вот шуты гороховые!

Эльга. Можно было подумать, что ты бедная голодная овца, а они — два льва.

Огинский. Ну, ведь и я не лев.

Эльга. Будто они тебя всю жизнь тащат на веревке.

Огинский. А Старшенский верит им?

Эльга *(смеясь)*. Вот он из чистого сострадания и хочет пригласить тебя.

Огинский. И все-таки я приеду!

Эльга. Не приезжай!

Огинский. Почему же?

Эльга *(горько)*. Мне будет еще хуже, если ты приедешь.

Быстро вбегает Дортка.

Дортка. Уходите, уходите скорее, пан Огинский! Они обыскивают весь сад!

Огинский. Кто?

Дортка. Они заметили в старой башне свет.

Огинский выпрыгивает в окно.

Эльга. Запри калитку!

Дортка убегает. Оставшись одна, Эльга бросается к окну, затем к двери. Снаружи доносится крик Дортки. Входит Старшенский; он ведет Дортку, продолжающую кричать.

Старшенский. Сознавайся!

Дортка. В чем я должна сознаться?

Старшенский. Признавайся, тварь! И — горе тебе! Если ты солжешь, я убью тебя!

Эльга *(с внезапным гневом)*. Что тебе нужно от нее? Что она сделала?

Старшенский. Именно это я и хочу узнать! Сознавайся, тварь! Где Тимошка? Кто этот мужчина? Не смей молчать! Иди сюда! Не бойся! Я приказываю тебе! Кто был этот мужчина? Он скрылся через калитку. Мы же оба достаточно ясно видели его. Я сам видел, и управляющий тоже.

Эльга. Управляющий! Управляющий! Вечно этот управляющий! Пусть он лучше смотрит за работниками и работницами! А поведение госпожи его не касается. Или, быть может, ты поручил ему следить за твоей женой — так же, как за конюшней?

Старшенский. Эльга!

Эльга. Что тебе?

Старшенский. Я не узнаю тебя.

Эльга. Матушка спит, и ребенок тоже... А ты приходишь и поднимаешь такой шум, что сюда сбежался весь замок!

Старшенский. Я не желаю держать у себя в доме потаскушек. Я не желаю, чтобы мой дом служил убежищем для врагов короля. Герб мой незапятнан, пускай незапятнанным останется и мой дом! Это не воровской притон, не постоянный двор для всякого сброда! — Поэтому сознавайся, тварь, или же убирайся вон отсюда! — Управляющий, спустите на нее собак!

Эльга (*с дикой энергией*). Она моя горничная! И ты этого не сделаешь!

Старшенский. Чего я не сделаю?

Эльга. Ты не выгонишь ее отсюда.

Старшенский. Клянусь, что выгоню!..

Эльга. Никогда! Или выгони и меня вместе с ней. Пусть лучше я буду жить в бедности, чем стану рабой твоих холопов. Выгони управляющего.

Старшенский. Эльга!

Эльга. Оставь меня!

Старшенский. Успокойся!

Эльга. Тогда не волнуй меня. Поди сюда, Дортка. (*Вырывает Дортку из рук Старшенского.*) Иди туда!

Дортка, вся в слезах, под защитой Эльги, уходит.

(*Спокойно и твердо.*) Дортка принадлежит мне. И я ей судья. Если ты хочешь и дальше оскорблять меня, до-

ждись рассвета. Дай мне по крайней мере хоть немного и выспаться. *(Уходит вслед за Дорткой. Слышно, как она изнутри запирает дверь.)*

Управляющий *(Старшенскому, который стоит неподвижно, погружившись в свои мысли)*. Пан Старшенский, пан Старшенский! Вы бы отдохнули, пан Старшенский!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Столовая в замке Старшенского. Перед рассветом. В кресле у высокого окна сидит Старшенский, погруженный в раздумье. Одет он так же, как накануне вечером. Двое слуг, не замечая Старшенского, собираются производить в комнате уборку.

Первый слуга. Что-то случилось сегодня ночью?

Второй слуга. Я спал.

Первый слуга. Господин поднял крик, а управляющий был всю ночь на ногах.

Второй слуга (*замечает Старшенского*). Тсс...
Что это?

Первый слуга. Святой Амвросий Краковский!

Второй слуга. Да это наш господин!

Старшенский (*снова пробуждаясь*). Что вам тут нужно?

Первый слуга. Убрать комнату и накрыть стол к завтраку.

Старшенский. Ну, хорошо... Эй, ты!

Первый слуга. Слушаюсь, ваше сиятельство?

Старшенский. Позови сюда управляющего.

Слуга уходит. Старшенский снова погружается в раздумье. Входит управляющий.

Управляющий (*давая о себе знать, осторожно*). Господин... Вы приказали меня позвать, господин.

Старшенский (*рассеянно смотрит на него*). Да... Ты...

Управляющий. Вы приказали слуге позвать меня, господин!

Старшенский. Ах, да! Управляющий! Поди сюда, Тимошка. (*Берет его за руку.*) Что-то я хотел тебе сказать, Тимошка? Да... Я еду в Варшаву!

Управляющий. Слушаюсь, ваше сиятельство. Я велю оседлать сивого.

Старшенский. Иди... Ты еще здесь, управляющий?

Управляющий. Да, господин.

Старшенский. Позови врача.

Управляющий. Вы больны, господин?

Старшенский. Да, как будто. Мне кажется, что я болен. Меня трясет. Принеси мне шубу.

Управляющий. Вам нужно лечь в постель, господин.

Старшенский (*в то время как на него надевают шубу*). Я поеду в Варшаву.

Управляющий (*тихо, слугам*). Затопите камин, чтобы согреть комнату. Скорее, господину холодно. И несите сейчас же господину самовар и горячего чаю.

Старшенский. Да-да. Принесите чаю. В шубе хорошо! Почему я здесь? Разве я не ложился?

Управляющий. Нет, господин.

Старшенский. Почему?.. Ступай.

Управляющий удаляется. Старшенский встает и, задумавшись, беспокойно ходит взад и вперед по комнате. Слуга приносит самовар и разливает чай.

(*Пьет чай.*) Разбудите пани Марину, скажите, что я прошу ее прийти.

Первый слуга. Пани Марина идет из церкви.

Входит Марина.

Старшенский. (*с деланным спокойствием*). Доброе утро, матушка!

Марина. Да благословит тебя бог, сын мой.

Старшенский. Да. Бог благословит... Иди сюда, садись. Садись и выпей чаю. Посидим вместе. Принесите свечи. Пусть будет светло. Да, матушка. Давно мы не сидели с тобой вдвоем, вот так.

Марина. Давно, мой милый сын. Но это не моя вина. Я никогда не пропускаю заутрени. А вот вы ложитесь поздно и поздно встаете. Это не моя вина.

Старшенский. Я знаю.

Марина. Скорее ты виноват в этом, сын мой! Но ты так бледен! Ты болен?

Старшенский. Нет. Сколько времени мы не сидели с тобой вот так, вдвоем, за завтраком, матушка? Сколько?

Марина. Уже около двух лет.

Старшенский. За такое время можно подняться по любой лестнице и потом снова спуститься вниз... Не правда ли?

Марина. Конечно, мой милый сын. Почему ты спрашиваешь об этом?

Старшенский. Потому что есть такая лестница, по которой можно только подняться, матушка. Вот и я поднялся по такой лестнице высоко-высоко. Оттуда я уже не видел земли. А если захочешь спуститься с этой лестницы вниз, то разобьешься.

Марина. Почему? Все мы в руках божьих.

Старшенский. Ты спрашиваешь, почему? Когда поднимаешься вверх, то видишь перед собой перекладкины из слоновой кости. А когда спускаешься, то они оказываются из раскаленного железа.

Марина. Да, так можно упасть.

Старшенский. Ну, конечно! Упадешь, разобьешься и будешь лежать внизу, матушка.

Марина. О какой странной небесной лестнице ты говоришь?

Старшенский (*со стоном*). Я уже не смогу жить так, как жил прежде! Я уже не смогу жить там, внизу.

Марина. Какой ты сегодня странный! Пойдем... Я не хочу тебя ни о чем расспрашивать, но уповай на бога! Посмотри, вот солнце всходит над твоими полями. Послушай, как птицы в твоих садах и над твоими нивами славят весну и бога. Так пусть сердце твое исполнится этим новым утром, воспрянь духом, сын мой! Или. может быть, ты болен?

Старшенский. Они славят весну и бога, матушка. Но это ликование способно обратиться и в адскую муку. Я не смогу больше жить там, внизу!

Марина. Что ты хочешь этим сказать?

Старшенский. Видишь ли, матушка... Не все, кто смотрит на весну, видят ее. Многие только думают, что видят ее, но на самом деле они ничего не видят. Я не могу объяснить тебе. Это тайна жизни. Я знаю, ты не понимаешь меня. Но немногих бог отметил своей милостью! Никто не может рассказать о тайнах весны, пока не узнал, не испытал их сам, матушка! Лишь тот, кто их узнал и испытал, слышит, как смеется бог.

Из соседней комнаты доносится громкий и веселый смех Эльги.

(Встает, бледнеет и хватается за сердце.) Матушка... Я...

Марина. Ты серьезно болен, сын мой. Надо сейчас же позвать врача. Сейчас же! Ты бредишь! У тебя лихорадка.

Старшенский. Никакой врач мне помочь не сможет! Не волнуйся, это пройдет... Мне показалось, что Эльга смеялась там? Да? Вот, матушка... Это так, и иначе уже быть не может. Но ты смирись с этим, матушка: что делать!

Входит Эльга, веселая, жизнерадостная.

Эльга. Доброе утро, мой сокол! Ну что?

Марина. Твой муж болен, Эльга.

Эльга. Болен? А ну, покажись! Может быть, его вылечит жена? Болеть — это некрасиво. Фу, больной мужчина — мужчина некрасивый. *(Садится к нему на колени и целует его.)* Ну, разве я неправа? Ты уже выздоровел?

Старшенский. Эльга! *(Рыдает.)*

Эльга. Ой-ой-ой! Это еще что? Герой Старшенский! Ваше сиятельство! Такой герой, и вдруг плачет! Сильный мужчина, и льет слезы непонятно почему. Горячие, соленые слезы... Из-за чего? Ну, возьми себя в руки, успокойся, и поедем со мной в карете, верхом по лесам и полям! Мужчина должен быть добрым и сильным, а не вялым и слабым!

Старшенский страстно обнимает ее.

Ну вот, вот, я вижу, жизнь возвращается к тебе! Ну обнимай меня, целуй! Почерпни во мне немного жизни! У меня хватит ее на двоих.

Старшенский *(весь преобразившись)*. Ах, матушка, взгляни своими старыми очами на это создание! Ну, разве она не прекрасна? Не прекрасна, как само здоровье? Она прекрасна, и она моя!

Эльга. Это вода омолаживает. Вода приносит свежесть и красоту! Я купалась в озере! Сделай и ты то же самое... Вода смывает с души все муки.

Старшенский. Не уходи, матушка, мне опять так радостно и хорошо.

Марина. Если тебе радостно и хорошо, то и мне тоже. Но теперь отпусти меня. Я пойду к ребенку. Когда просыпается девочка, я всегда около нее. Так она привыкла.

Старшенский. Передай маленькой Эльге мой утренний поцелуй.

Марина кивает головой и уходит.

Эльга *(поднимается и встает перед Старшенским)*. Мне идет это платье?

Старшенский. Я люблю тебя!

Эльга. Она уверяет, что это платье по самой последней парижской моде.

Старшенский *(снова обнимает ее)*. Я люблю тебя! Я так люблю тебя, что готов убить!

Эльга *(немного нетерпеливо)*. Ты опять сжимаешь меня так сильно.

Старшенский *(держит ее за плечи)*. Ты моя собственность! Моя собственность! Драгоценнейшая моя собственность! Ты — как кубок! В целом свете нет более такого драгоценного кубка, будь он из оникса или яшмы. Из него пьют только самое дорогое вино. И оно никогда не иссякает. *(Целует ее.)*

Эльга *(освобождается)*. Дортка идет.

Робко входит Дортка. Она ставит на стол большой букет фиалок, другой букет, поменьше, держит в руках.

Так. Поставь сюда! Ну, а этот дай твоему господину. Ну?

Дортка *(опускается перед Старшенским на колени и целует ему руку)*. Простите, господин!

Старшенский *(берет у нее букетик фиалок)*.
Хорошо, встань.

Входит управляющий.

Управляющий. Лошади поданы, господин.

Старшенский. Лошади? Какие лошади, Тимошка?

Управляющий. Вы хотели ехать в Варшаву, господин.

Старшенский. Нет, теперь я не поеду.

Эльга *(берет Тимошку за ухо и тянет его)*. Ты старый дурак, Тимошка! Понимаешь? И ханжа. Разве ты не был молод когда-то? Не можешь простить девушке маленького прегрешения. Не распрягай лошадей. Мы поедем сейчас вместе с господином. Пойдем, Дортка, дай мне одеться.

Эльга и Дортка уходят.

Старшенский *(кивает Эльге и, оставшись вдвоем с управляющим, ходит взад и вперед по комнате, затем останавливается и сердито смотрит на Тимошку)*. Ты что тут стоишь?

Управляющий. Господин...

Старшенский. Неважную услугу ты оказал мне своей дуростью.

Управляющий. Накажите меня, господин.

Старшенский. Да, мне бы действительно стоило наказать тебя, ты прав. Ты сделал из меня дурака! Разве мне, твоему господину, подобает следить за любовными шашнями слуг и горничных?

Управляющий. Нет, господин.

Старшенский. Вот видишь! Но, я знаю, у тебя не было злого умысла. А впредь не беспокой меня подобными глупостями. Ты слышал?

Управляющий. Слышал... Сеять нам сегодня овес, господин?

Старшенский. Решай сам, как знаешь.

Управляющий удаляется. Входит кормилица с маленькой Эльгой на руках.

Заходите-ка.

Кормилица. Мы ищем маму.

Старшенский. Дайте маленькой Эльге побыть немного и с папой. (*Берет ее на руки.*) Вот так! Что это у нее в ручке?

Маленькая Эльга. Ати, ати!

Кормилица. Ати значит — «папа».

Старшенский. Что это у нее в руках, нянька?

Кормилица. Это коробочка с драгоценностями госпожи, ваше сиятельство. Она взяла и не отдает.

Входит Марина.

Старшенский. Взгляни, матушка, какая чудесная игрушка у нашей малютки Эльги.

Марина. Вот вы куда исчезли! А я-то вас ищу!..

Старшенский. Маленькая Эльга богата. Возьми ее, матушка. (*Передает ее на руки матери.*)

Марина. О, да у нее уже есть приданое.

Старшенский (*мгновенно мрачнеет*). Я никогда не выдам свою маленькую Эльгу замуж.

Маленькая Эльга роняет коробочку из рук.

Марина. Подними, няня, поскорей.

Старшенский (*весело*). Вот и поломали приданое! (*Поднимает коробочку, заглядывает внутрь и вдруг вынимает что-то.*) Что это?

Марина. Что ты нашел? Что там было?

Старшенский (*ужасно побледнев*). Ничего там не было.

Марина. Что это опять с тобой? (*Передает девочку кормилице, которая хочет уйти.*)

Старшенский. Подожди, нянька! Стань там с девочкой! И теперь стой тихо! (*Сравнивает с лицом девочки портрет в маленьком медальоне, который держит в руке.*)

Марина. Что ты делаешь?

Старшенский. Подойди и посмотри сюда. Ты знаешь этот портрет?

Марина. Нет.

Старшенский. А человека, который изображен здесь?

Марина. Не знаю, сын мой.

Старшенский. Тогда сравни.

Марина. Что я должна сравнивать?

Старшенский. Глаза маленькой Эльги и эти глаза! Брови маленькой Эльги и эти брови! Волосы маленькой Эльги и эти волосы. Ее подбородок, рот — и этот рот! Ты не узнаешь этого человека?

Марина. Нет... Да... Кажется... Это, кажется, кузен Огинский.

Старшенский (*изменившись в лице, почти заикается*). Конечно! Ну и... что же? Ах, оставь меня! Уже... уже прошло. Конечно же, это Огинский. Теперь я и сам узнаю его. Это он, он — ужасный кузен, нищий и трус! Скверный, ползучий гадкий пес! Пусти меня, пусти! Кажется... Врача мне!.. Я задыхаюсь!..

Марина. Господи Иисусе!

Старшенский (*со страшными усилиями, почти в бреду*). Тише, матушка, подожди. Иди сюда и сядь ко мне. Расскажи мне что-нибудь. Я прошу тебя, ты ведь знаешь больше, чем я. Ты знала воеводу Ляшека. Что это за история была с Огинским? И зачем это у нее портрет Огинского?

Марина. Успокойся сначала... Приди в себя. И няня с ребенком еще здесь.

Старшенский. А какое мне дело до этого ребенка? Пусть убирается вон отсюда.

Кормилица с ребенком уходит.

Молись, матушка! Свяжи меня! Боже милосердный, я убью собственного ребенка!

Марина. Господи помилуй и спаси тебя, сын мой! Что с тобой? Что с тобой случилось?

Старшенский (*жестко, дрожа*). Ты говоришь, у меня лихорадка... Ну вот, и оставь меня. Она уже, кажется, прошла. Впрочем, подожди, матушка. Я должен знать это... Пусть мне будет ясно... Расскажи мне о кузене Огинском...

Марина. Что же рассказать тебе? Ты сам все знаешь! Он жил в доме старого воеводы. Воспитывался вместе с тобой. Больше я ничего не знаю.

Старшенский *(встает и дергает за шнурок звонка)*. Ты больше ничего не знаешь. Но я должен знать больше! Все! Я должен знать все.

Входит управляющий.

Старшенский. Я еду в Варшаву, как и решил.

Управляющий уходит.

(Матери.) Прощай! *(Быстро уходит.)*

Марина, качая головой, смотрит вслед сыну.

Входит Эльга, одетая для прогулки.

Эльга. Я готова. А где же граф?

Марина. Он уехал в Варшаву, дитя мое.

Эльга *(пораженная)*. Что же это?

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Большая комната в замке. Вечер. Горит свеча. Марина сидит, склонившись над пальцами. Эльга медленно ходит взад и вперед по комнате.

Эльга. Не понимаю, что он делает три дня в Варшаве.

Марина. Я тоже не понимаю.

Эльга. И зачем он взял с собой управляющего?

Марина. Конечно, это уж совсем ни к чему. Мужики приходят и спрашивают, что им делать. И никто не знает.

Эльга. И скучно ужасно. Знаешь, матушка, я так легко начинаю скучать. А я боюсь, боюсь скуки, словно огромного, страшного чудовища с гноящимися глазами и заспанной мордой. Тьфу!

Марина. А мне никогда не скучно, дитя мое.

Эльга. Этого я не понимаю.

Марина. Видишь ли, мы жили иначе, чем вы. Отец у меня был строгий. Дома я всегда делала то, что нужно, а совсем не то, что мне хотелось самой. За какой-нибудь улетевшей пушинкой я должна была перелезть через столько заборов! И день казался таким коротким. Ты же делала дома все что хотела. А хотела ты чаще всего ничего не делать. Потому и ты скучаешь.

Эльга. А зачем хотеть, матушка?

Марина. Это необходимо, потому что нужно.

Эльга. Не понимаю. Я уже несколько раз взбиралась на высокие горы. Меня что-то влекло вверх, в высоту... Мне хотелось быть ближе к солнцу, к небу

или к богу, не знаю зачем, но, если бы я этого не хотела матушка, я бы, наверно, оставалась внизу. Ведь я поднимаюсь на гору не потому, что это необходимо, а потому, что вверх меня гонит скука.

Марина. У вас, Ляшеков, совсем другой характер: вы своенравны, легкомысленны, готовы рисковать всем. Вот вы и потеряли все.

Эльга. И снова выиграли.

Марина. Ты, может быть.

Эльга. Конечно, я!

Марина. Но смотри, ты можешь снова все потерять.

Эльга. Ну и что же! Ведь дорога то поднимается вверх, то опускается вниз, и снова то вверх, то вниз. И это лучше, чем идти всегда по прямой и жить на плоской равнине. Скука — это зверь, неподвижный, как крокодил; он не любит ни подниматься вверх, ни опускаться вниз. Он даже поворачивается с трудом.

Марина (*озабоченно поднимает глаза от работы*). А спокойное счастье тебя не увлекает вовсе?

Эльга. Почти нет.

Марина. Кто живет так, тот всегда подвергается опасности.

Эльга. Вот именно. Но только это и делает жизнь ценной для меня. Рядом с тобой идет смерть, и ты порою даже как бы видишь ее, и она загоняет тебя в самую пучину: здесь холодно, там жарко; здесь страх, там счастье.

Марина. Не говори так, ради бога! Разве можно так говорить о смерти!

Эльга. А мы с нею в хороших отношениях, гораздо лучших, чем вы предполагаете. Она не доставляет мне и половины тех тяжелых минут, которые переживаете вы. Когда я в каком-то варшавском подвале стояла у изголовья умирающего отца — нищая и голодная, — я позвала ее и познакомилась с ней. И знаешь, чему она меня научила, матушка? Она научила меня смеяться. Она научила меня смеяться над многими серьезными вещами в жизни. Ну, да все это чепуха! Мне еще хочется жить! Только бы скорее приехал Старшенский.

Марина. А вот и Тимошка.

Входит управляющий.

Управляющий. (Марине). Добрый вечер, госпожа.

Марина. Где твой господин?

Управляющий. Он послал меня вперед, госпожа! Чтобы я распорядился здесь, госпожа.

Марина. Распорядился о чем? Переведи сначала дух.

Управляющий. Вместе с господином к нам едет гость. Они хотят пить и есть. Я должен распорядиться накрыть стол.

Марина. Слава богу, если только это. Зачем же так пугать?

Эльга. А кто этот гость?

Управляющий (настороженно). Не знаю.

Эльга. Кто это может быть, матушка?

Марина. Я хотела об этом спросить тебя. Раньше он никогда так не поступал. Ну, если гость — человек веселый, так добро пожаловать. Он развеселит всех нас.

Управляющий уходит.

Кто-то подъехал... Вот и они. Я узнаю походку сына.

Эльга (бледнея). Ты узнаешь походку своего сына?

Марина. Поди встретить его, а я останусь здесь.

Эльга. Нет, матушка, лучше иди ты.

Марина идет навстречу своему сыну. С другой стороны быстро бежит Дортка.

Дортка (скрывая радость). Госпожа, а кто приехал! Знаете, кто поднимается сюда вместе с его сиятельством господином графом?

Эльга. Молчи! Я знаю!

Голос Старшенского еще с лестницы: «Эльга, голубка моя!»

Уходи скорее! Чтобы он тебя не увидел здесь.

Дортка исчезает. Входит Старшенский.

Старшенский (*его трудно узнать, он явно захмелел и с трудом сдерживает себя*). Добрый вечер, голубка моя.

Эльга. Тебя так долго не было.

Старшенский. Да. Но не ругай меня. Я тебе кое-что привез.

Эльга. Что ты мне привез?

Старшенский. Угадай!

Эльга. Шелковые рубашки, которые я просила?

Старшенский. Да. Шелковые рубашки внизу, в карете. Я купил тебе самые дорогие. Но я привез тебе и еще кое-что. Угадай!

Эльга. Больше я у тебя ничего не просила. Я не знаю.

Старшенский. Я привез тебе кузена Огинского.

Эльга (*с притворным смехом, слегка ударяя его по щеке*). Ты глупый!

Старшенский (*неуверенно*). Ты не рада?

Эльга. Чему же? Или мне радоваться кузену Огинскому?

Старшенский. Да, кузену Огинскому!

Эльга. Разве я тебе говорила, что об этом думаю? Но если ты не шутишь и он уже здесь, то делать нечего. Здесь он или нет, я ничего не могу изменить.

Старшенский. Входи, милый брат! Не жмись к стенке.

Входит Огинский.

Огинский. Разве я это делал когда-нибудь? Вы изволите шутить, ваше сиятельство! Честь имею, графиня!

Эльга. Добрый вечер, кузен!

Старшенский. Простите меня, пан Огинский, не знаю, как это у меня вырвалось. Ведь это старинное поместье. И стены здесь, особенно на лестницах, всегда сырые и пористые. На них плесень. Мне было бы жаль вашего нового дорогого костюма. Проходите же, садитесь, будьте мне гостем и другом! — А как ты здесь поживала без меня, моя голубка? Скучала обо мне? — Она скучает без меня, пан Огинский. И держит меня на

привязи за ногу, как ребенок щегленка. Когда я уйду в поле хотя бы на полверсты, она уже скучает. — Не правда ли, голубка моя?

Эльга. Ты говоришь глупости, Старшенский.

Старшенский. Вот как! Я говорю глупости? Что ж, возможно! Мы с ним в Варшаве немного покутили. — Не правда ли, Огинский? — Но зато и подружился уже.

Эльга. Знаешь, сегодня вечером тебе не следует пить больше.

Старшенский. Почему же?

Эльга. Тебе не следует больше пить сегодня, поверь мне.

Старшенский (*обнимая Эльгу одной рукой*). Ну разве она не прекрасна, Огинский?

Эльга. Оставь меня!

Старшенский. Уста ее так сладостны и нежны, как уста грудного младенца...

Эльга. Оставь же меня!

Старшенский. ...и чисты, — ведь они еще не отвыкли от материнской груди! Но эти уста опасны. Посмотри, как они дрогнули, Огинский! Ты можешь объехать всю Польшу и всю Россию, все места, все степи и леса Азии, но ты нигде не найдешь таких уст, таких соблазнительных уст...

Эльга. Оставь меня! — Прости его, кузен!.. — Ты просто пьян. (*Уходит.*)

Огинский. Вы дурно обращаетесь с вашей женой!

Старшенский. Нет!

Огинский. Вам бы не мешало лучше обращаться с вашей женой!

Старшенский. Мне бы не мешало высечь мою жену плеткой.

Огинский. Гм... Зачем я приехал сюда? Мне многое рассказывали о вас. И братья Эльги кое-что говорили о вас, но я думал, что вы человек благородный.

Старшенский. Ну, а я, что я думал о вас? Кто вы? Я этого не знаю!

Огинский. Оставьте, пан Старшенский. Я очень плохо сделал, что приехал вместе с вами. Что мне здесь

делать? Я никогда не любил людей! Зачем ты вытаскивал меня из моего одиночества? Прощай.

Старшенский. Нет, пан Огинский, я не отпускаю вас.

Огинский. Чего же ты хочешь от меня?

Старшенский. Я хочу твоей дружбы.

Огинский. Это неправда!

Старшенский. Бог мне свидетель! Присяжь, друг! Выпей этого вина, оно чудесно. Видишь, я изменился, прости меня. Прости меня, если я дурно вел себя. Выпей и прости.

Огинский. Мне нечего вам прощать, пан.

Старшенский. Тогда скажи мне. Выпей и скажи мне одну вещь. Ты знал Эльгу еще в детстве?

Огинский. Да.

Старшенский. И вы вместе играли еще детьми?

Огинский. Она играла со мной.

Старшенский. И она любила тебя?

Огинский. Возможно.

Старшенский. И ты любил ее?

Огинский. Я — нет, она не стоила этого.

Старшенский. Ты не любил Эльгу?

Огинский. Я же сказал.

Старшенский. Разве она не была прекрасна?

Огинский. Нет, пан.

Старшенский. Ты лжешь, пан.

Огинский встает.

Останься, сядь.

Огинский. Довольно.

Старшенский. Эльга прекрасна. Скажи, что она прекрасна!

Огинский. Довольно!

Старшенский. Я был бы способен убить тебя. Но, если ты не лжешь, я бы расцеловал тебя. Дай мне руку! Дай мне руку, брат!

Огинский. Зачем?

Старшенский. Я сказал, что ты лжешь. Прости!

Огинский. Все мы лжем.

Старшенский. Так ты солгал и сейчас?

Огинский (*холодно*). Этого я не говорю.

Старшенский. Тогда — берегись! Или пожалей меня! (*Опускает голову на стол и хрипит.*)

Огинский (*поднимаясь, с беспощадной холодностью*). Зачем вам моя жалость, ваше сиятельство? Жалость — это удесятеренная мука. И я знал ее. Если бы бог жалел побежденного, он не был бы богом сострадания и милосердия. Так не проси же жалости, пан!

Старшенский (*беря себя в руки, твердо*). Я не прошу ее!

Возвращается Эльга; она роскошно одета.

Эльга (*как бы вскользь*). Ну что, ты пришел в себя, друг мой?

Старшенский. Кажется, да. Иди сюда и поболтай с нами.

Эльга. Хорошо. Но стол уже почти накрыт. Скоро нас позовут. Что это вы пьете?

Старшенский. Попробуй.

Эльга. Как ты жил, Огинский, с тех пор как мы не виделись?

Старшенский (*быстро*). А как давно вы не виделись?

Эльга (*Огинскому*). Ну, так как же давно?

Огинский. Я не считаю дней. Пускай они приходят и уходят. Мне все равно.

Эльга. Фу! И ты совсем не соскучился по своей подруге детства? Помнишь, Огинский? Я бегала быстрее всех вас. И прыгала я тоже дальше вас. А когда мы играли в войну, то я командовала вами. Я была вашим командиром, а вы, мальчишки, подчинялись мне и делали все, что я хотела. Вот было весело!

Огинский (*ему противно все это*). Оставьте меня, пожалуйста, в покое. Мне не до веселья.

Старшенский. Ничего. Мне тоже не до веселья, так пускай она повеселится за нас... Я хочу рассказать вам, что я видел во сне. Мне снилась молодая женщина. Да. Женщина была голая, и она танцевала. Она танцевала передо мной всю ночь, танцевала, танцевала. Это была такая пытка! И хотите знать, на чем танцевала эта женщина? Представьте себе бледную, как мел, луну!

Эта бледная, как мел, бледная, как призрак, бледная, словно от отчаяния, луна освещала далекую, бесконечно далекую гористую местность. В этой далекой гористой местности, похожей на море во время бури, не росло ничего — ни дерева, ни куста, ни травинки. И мне казалось во сне, что все эти горы и долины завалены человеческими костями и черепами. И на них-то и танцевала эта женщина!

Эльга. Ну и странные сны у тебя! Перестань, мне даже страшно.

Огинский. Но сон еще не окончен, пан.

Старшенский. Так окончи его. Расскажи.

Огинский. Не могу.

Эльга. Он просит, и я тоже прошу тебя. Расскажи.

Огинский. Хорошо, слушайте. Я видел женщину, как ты, женщину, танцевавшую на костях. Она была прекрасна...

Старшенский. Прекрасна, как Эльга.

Огинский. Она была прекрасна, и тело ее было обнажено...

Старшенский. И оно было, как тело Эльги.

Огинский. Но самым удивительным в ней были глаза. Они излучали то свет, затмевающий свет луны, то смерть и ночь. И эти глаза были...

Старшенский. Как глаза Эльги.

Эльга. Перестань, пожалуйста!

Огинский. В моем сне от одного лишь взгляда этих глаз могли покрыться зеленью все горы и долины: я имею в виду те глаза, о которых сказал. И тогда начинали плескаться ручьи и благоухать березы...

Старшенский. Да, это было так.

Огинский. А потом тот же взгляд проникал в самое сердце и становился ядом...

Эльга (*встает и медленно идет из комнаты*). Меня лихорадит от ваших снов. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Старшенский (*оставшись наедине с Огинским, мрачно и торжественно поднимается с места*). Пан Огинский! Мне кажется, этому пора положить конец.

Огинский. Да. Сегодня или завтра — все равно!

Старшенский. Лучше сегодня! (*Многозначительно.*) Итак, спокойной ночи!

Огинский *(так же)*. Спокойной ночи!
Старшенский. Завтра ты больше не увидишь солнца, Огинский.

Огинский *(с горькой иронией)*. И ты тоже, пан. Старшенский. Быть может. Но зато ты умрешь позорной смертью.

Огинский. Ты живешь позорной жизнью.

Старшенский. Быть может. Но я бы не желал убивать тебя из-за одного лишь подозрения...

Огинский. Не беспокойся.

Старшенский. Ты держал ее в своих объятиях?

Огинский *(с нескрываемым торжеством)*. И в этом была вся моя жизнь!

Старшенский. Хорошо же! *(Ударяет три раза мечом по столу.)*

Вбегают управляющий и вооруженные слуги.

Можете приступить к делу! *(Уходит.)*

Вооруженные слуги быстро связывают Огинского и уводят. Некоторое время комната пуста. Тишина. Затем вбегает испуганная Дортка.

Дортка. Госпожа! Госпожа! Пани Эльга!

Входит Эльга.

Эльга. Что ты кричишь, Дортка?

Дортка. Пани Эльга, хорошо, что я нашла вас.

Эльга. В чем дело?

Дортка. Там... в саду, у старой башни... Посмотри-те, там свет.

Эльга. Ну и что же?

Дортка. Там люди ходят с факелами.

Эльга. Что они делают?

Дортка. Эти люди вооружены.

Эльга. Ступай, ты бредишь.

В одной из дверей появляется Старшенский,— бледный как мертвец, он неподвижным взглядом смотрит на Эльгу.

Пан Старшенский, что это?

Старшенский. Ничего.

Эльга. Тогда спокойной ночи, завтра расскажешь.
Старшенский. Ты не можешь спать сейчас, Эльга. Оденься и иди за мной.

Эльга. Ты захмелел от собственной глупости, пан.
Старшенский. Захмелел от глупости — неплохо! — Ступай, Дортка! Найди управляющего и спроси его... исполнил ли он приказание своего господина. И ответ передашь мне.

Дортка уходит.

Встань, Эльга, и иди за мной.

Эльга. Не пойду. Я не пойду за тобой.

Старшенский. Не хочешь?

Эльга. Нет.

Старшенский. Тогда оставайся, но скажи мне только...

Эльга. Ты совсем сошел с ума! С чего бы это?..

Старшенский. Возможно, благодаря тебе.

Эльга. Тогда отпусти меня и оставайся сам с собой, Старшенский. Лучше жить в нищете и в самой страшной бедности, чем так!

Старшенский. Мне остаться с собой? Что же еще ты оставляешь мне?

Эльга. Все что хочешь! Я тебе надоела! Я чувствую это. Я тебе противна, — ну и отпусти меня!

Старшенский. К кузену Огинскому?

Эльга. Что ты сказал?

Старшенский. Ты бы пошла к кузену Огинскому?

Эльга. Куда бы я ни пошла, это мое дело! *(Встает и начинает ходить по комнате.)*

Старшенский. Возьми свои слова обратно, если можешь! Послушай, скажи мне: ты и Огинский, вы были помолвлены, когда мы познакомились с тобой?

Эльга. Послушай-ка теперь и ты. Я уже устала от тебя. Если Огинский спяна и сболтнул что-нибудь, ну и что! Мы же были дети — и он и я. А тебе я могу сказать, что мы слишком стары, чтобы до сих пор оставаться детьми! И не мучай меня больше прошлым! Не мучай меня кузенком Огинским! Или отпусти меня совсем.

Старшенский. Так ты больше не любишь Огин-

ского? Скажи мне! Только это скажи! Ты теперь не любишь его больше?

Эльга. А разве иначе я ушла бы с тобой? Вышла бы за тебя замуж? Не все было мне хорошо в твоём мире! А у нас с ним — общее детство, общий мир.

Старшенский. Может быть, еще и общий рай?

Эльга. Да, и это тоже, если хочешь! Но я вышла за тебя замуж; что тебе еще нужно?

Старшенский. А ты любишь меня?

Эльга. Нет! Я не люблю тебя больше! Я не люблю тебя потому, что ты мучаешь и терзаешь меня. Но когда-то я была рядом с тобой, и мне было радостно. Я была счастлива и радостна с тобой, а если я счастлива и радостна, то я и люблю, пан.

Старшенский. Тогда идем.

Эльга. Куда мне теперь идти с тобой? Я останусь здесь или уйду одна. Ты болен, тебе нужно позвать врача. И, говоря откровенно, я боюсь. Я боюсь сейчас идти с тобой...

Старшенский. Только одно скажи мне — ты больше не любишь Огинского?

Эльга. Я говорю тебе — нет!

Старшенский. Жив он или мертв — тебе это все равно?

Эльга. Он живет не для меня! И умрет он не для меня!

Старшенский. Тогда идем! *(Насильно берет ее за руку и уводит с собой.)*

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

И снова — тот же покой, что и в первой картине, но только сейчас он в уединенной сторожевой башне. Перед кроватью, задернутой пологом, с обеих сторон стоят высокие позолоченные канделябры с незажженными свечами. Ночь, лунный свет. Перед кроватью стоит управляющий с длинным обнаженным мечом в руках. Входит Дортка.

Дортка. Какая ужасная ночь. Это ты здесь, Тимошка?

Управляющий. Я. Что тебе?

Дортка. Меня послал его сиятельство, наш господин. Велел спросить, исполнил ли ты его приказание.

Управляющий. Кажется, да. Иди скажи нашему господину: мертвый волк не съест живой овцы. Больше тебе здесь делать нечего. Ну, что ты стоишь?

Дортка (*дрожая*). Что ты затеваешь?

Управляющий. Спроси у господина.

Дортка. Вот смотрю я на тебя, и мне страшно. Не знаю, почему.

Управляющий. Да, для страха у тебя действительно есть основания.

Дортка. У меня?

Управляющий. Да, у тебя.

Дортка. Что же я сделала?

Управляющий. Это ты, тварь, и сама знаешь!

Дортка. Пожалей меня, Тимошка. Я не знаю.

Управляющий. А разве вы пожалели моего господина?

Дортка. Твоего господина, Тимошка?

Управляющий. Во что вы превратили его? Все-

го лишь несколько дней назад он был щедр, полон сил, богат, а теперь он нищ, стар и полон ненависти.

Дортка. Но при чем же здесь я? Ведь ты обвиняешь меня?

Управляющий. Не только тебя. Тебя и все ваше отродье. Я ненавижу Ляшеков; на них лежит проклятье.

Дортка. Но я же не из Ляшеков. Я просто служу своей госпоже, и все.

Управляющий. Она не госпожа. Она такая же тварь, как и ты!

Дортка. Неправда. На нее наговаривают. Вы же обмануты, это неправда!

Управляющий. Нам все известно. Она не госпожа, нет. Когда он подобрал ее на улице Варшавы, она была потаскухой. Он подобрал и привез к себе в дом гадину! Я и пани Марина, мы это знали. Она просто пользовалась его богатством. И братья ее тоже. Она вампир! Она высосала всю кровь из его груди. А теперь поди вон, сюда идут, спасай свою жизнь.

Дортка уходит. В дверях появляется Старшенский.

Старшенский (*оборачиваясь назад*). Ничего, ничего, поднимайся. Это, конечно, все чепуха! Но ты войди сюда!

Голос Эльги: «Я дальше не пойду!»

А назад тебе нельзя! Там внизу вооруженные люди — тебе нельзя назад! Если ты пойдешь вниз одна, ты рискуешь жизнью. Входи спокойно сюда! Или, может быть, ты боишься?

Входит Эльга; она в накидке.

Эльга (*злобно и твердо*). Нет!

Старшенский. Внизу холодно. Это верно. Здесь теплее. Ты заметила? Ночью был сильный мороз. Когда мы шли сюда из замка, весь сад был словно застлан белым ковром. Ты ходила когда-нибудь этой дорогой?

Эльга (*Тимошке*). Кто это? Кто там стоит?

Старшенский. Давай, я помогу тебе раздеться. А это старый Тимошка. Садись. Конечно, это очень

странная, душная комната. Я понимаю тебя; когда сюдаходишь в первый раз, здесь действительно страшно. Слово с самого сотворения мира здесь скрывались привидения, одни привидения. Ты никогда раньше не приходила сюда?

Эльга. Ты же знаешь, что приходила. Зачем же ты спрашиваешь меня?

Старшенский. Я не знаю. Сколько же раз ты бывала здесь, в этой проклятой комнате?

Эльга (*мрачно, упрямо*). Много.

Старшенский. А ты знаешь, что за этим пологом?

Эльга. Если я бывала здесь, то, конечно, я знаю, что за этим пологом.

Старшенский. Тогда скажи мне, что. Этот вопрос имеет свои причины. Я жду ответа. Ты, может быть, думаешь, что за этим пологом стоит кровать?

Эльга. А что же еще?

Старшенский. О, гораздо больше! Ты знаешь легенду о старой башне и кровати — легенду, которую рассказывают и в лачугах бедняков, и в замках, и на улицах?

Эльга. Не знаю и не хочу знать... Довольно, я ухожу!

Старшенский. Не рискуй идти. Останься. Тимошка знает и расскажет тебе эту легенду. Старик ее знает.

Управляющий (*медленно и громко читает по бумаге*). «Жил-был на свете в давние времена один благородный человек, богатый граф. Жил он да поживал в покое и тишине вместе со своей почтенной матерью. И вдруг полюбил он всем сердцем одну женщину...».

Старшенский. Вы сделали все точно, как я приказал?

Управляющий. Все точно.

Старшенский. Так что и самого последнего делать уже не придется?

Управляющий. Да. Все готово, больше делать ничего не придется.

Старшенский. Продолжай.

Управляющий. «Но это была не женщина, это

было исчадие ада. Она лгала ему, обманывала его, его, который был честен и не знал, что такое ложь! Она изменила ему и покрыла его позором...».

Старшенский. Где она это сделала?

Управляющий (*показывая на кровать*). Здесь, граф Старшенский.

Старшенский. Ты думаешь, здесь, на этой постели?

Управляющий. Да.

Эльга. Вы оба сошли с ума! Помогите! Помогите! (*Прижимается к стенке и дрожит.*)

Старшенский (*спокойно*). Тихо, пани Эльга. Тебе ничто не угрожает. Зажги свечи.

Управляющий. Сейчас, господин. (*Зажигает в канделябрах свечи.*)

Эльга (*как безумная, неподвижным взглядом смотрит на свечи*). Дортка! Огинский! Я задыхаюсь! Я не хочу видеть сны! Разбуди меня, Дортка! Черный полог! Почему же я не видела его? Я уже видела во сне эти свечи! Почему ты не разбудишь меня? Я не хочу видеть сны!

Старшенский. Тихо, пани, тихо. Тебя никто не тронет. Но это не сон, пани. Это явь. Только не лги! Не лги в этот страшный час! Ты опозорена! В тебе больше нет чистоты. И все-таки скажи одно лишь слово. Ты больше не любишь Огинского?

Эльга (*в безумном страхе, почти кричит*). Я уже сказала. Ты не веришь мне.

Старшенский. Именем всевышнего заклинаю тебя, — если это правда, ты чиста передо мною. Иди ко мне, ты, жена моя!

Зажжены уже все свечи. Старшенский делает знак, полог раздвигается, и на постели виден задушенный Огинский. Эльга, хотевшая было послушаться Старшенского и подойти к нему, при виде мертвого останавливается и словно окаменевает на месте. Кажется, что мертвый притягивает ее к себе вопреки ее воле. Глухо зарыдав, она бросается на труп. Продолжительная пауза.

(*Растроган, другим тоном.*) Эльга!

Эльга не отвечает.

(*Приближается к ней, настойчивее и мягче.*) Эльга!

Эльга (*приподнимается, полная ненависти, словно волчица, защищающая своего детеныша*). Не смей прикасаться к нему!

Сгаршенский (*еще мягче, почти умоляюще*). Эльга!

Эльга (*медленно приподнимается и отшатывается от него с ненавистью, страхом и отвращением*). Я ненавижу тебя! Я плюю на тебя!

Комната погружается во мрак. Лишь, как и в первой картине, слышится тихое пение монахов. В окнах показывается рассвет. На медленно розовеющем утреннем небе возникает силуэт немецкого рыцаря. Больше в комнате никого нет. Черный полог перед пустой кроватью раздвинут. В дверь стучат.

Рыцарь. Кто там? Войдите.

Входит слуга.

Слуга. Пора собираться, господин! В дорогу!

Рыцарь. О, Петер, ты пришел вовремя. Поедем отсюда! На лошадей! В светлый и живой мир!

Слуга. А как же завтрак? Братья еще у заутрени.

Рыцарь. Скорее прочь отсюда! Мне бы не хотелось встречаться ни с кем из братьев. Один из них приходил ко мне вчера ночью. Скорее отсюда, на свежий воздух! На лошадей! Меня мучил какой-то страшный сон, страшный, как смерть. Спаси нас, господи! Долго я буду помнить эту ночь в монастыре.

Занавес